

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

Смоленские войны XV–XVII вв.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург

2017

ББК 63.3(0)5 УДК 94



Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Селин А.А.

MILHIST

INFO

**Селин А.А. Предисловие к специальному выпуску № 4
«[Смоленские войны XV-XVII вв.](#)»**

Ссылка для размещения в Интернете

<http://www.milhist.info/2017/11/02/selin>

Ссылка для печатных изданий

Селин А.А. Предисловие к специальному выпуску № 4 «Смоленские войны XV-XVII вв.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. — С. I-VI <<http://www.milhist.info/2017/11/02/selin>> (02.11.2017).

www.milhist.info

2017

Селин А. А.

Предисловие

Издаваемый сборник — специальный выпуск, посвященный Смоленску, точнее — тем событиям военной истории Восточной Европы раннего Нового времени, которые были связаны с этим городом-крепостью в верховьях Днепра. В сборнике объединены как оригинальные статьи, так и публикации источников, так или иначе связанных с борьбой за Смоленск.

Первая, хронологически относящаяся к самому раннему периоду, статья принадлежит М. А. Несину. В ней сделана попытка сформулировать новый взгляд на военно-политические события вокруг Смоленска начала XV века. Историк, критикующий предшественников за пересказ источников, в своем исследовании привлекает данные новгородских I и IV летописей, уделяет особое внимание сведениям поздней Никоновской летописи. М. А. Несину, однако, не всегда удается выйти за рамки истории «кто куда ходил». В статье содержится довольно много смелых утверждений социально-политического порядка: о смоленских боярах, которые «не подлежали налогообложению», о «большом Литовском государстве» начала XV века, о том, что в Смоленске до 1440 г. существовали некоторые «местные смоленские дворяне», позднее куда-то исчезнувшие. Обычна для М. А. Несина логика апелляции к здравому смыслу. Отдельно, на основе Супрасльского списка, М. А. Несин реконструирует события Смоленской «замятни» 1440 г. Ученый интерпретирует «панов и бояр смоленских» как «литовских управленцев» и «русских аристократов» соответственно. По его мнению, после 1514 г. смоленское боярство стало основой для формирования смоленского служилого города.

В статье В.В. и Т.М. Пенских рассматривается борьба между Москвой и Литвой за обладание Смоленском в начале XVI в. В начале статьи авторы приводят общий очерк истории Смоленска, повествующий, в частности, и о событиях 1401, 1404 и 1440 гг., хоть и вкратце, но на значительно более современном научном уровне, чем текст М.А. Несина. Ими представлен более внятный, основанный на авторитетном исследовании М.М. Крома, анализ причин позиции смолян в начале XVI в.: как оплот литовской власти на востоке ВКЛ, они дорожили своими правами города ВКЛ. Читатель встречается не с переложением летописных данных, а с тщательно выполненной реконструкцией организованного великим московским князем военного предприятия. Кроме того, «смоленщины» начала XVI века в статье В.В. и Т.М. Пенских предстают как звенья длительного, продуманного и хорошо организованного движения московской экспансии на Запад. Прекрасно освещены, кстати, и литовские мероприятия, предпринятые для обороны Смоленска от московитов.

Важное место в изучении, прежде всего, социальной истории Смоленска XVI века занимает статья М.М. Бенцианова. Он справедливо указывает на роль Смоленска в системе ВКЛ и на то, что численность бояр и других служивших государю по Смоленску составляла более тысячи человек. Это было важным вызовом для новой власти, пришедшей в город после 1514 года. Обращает на себя внимание и использованный автором просопографический подход к изучению смоленских служилых людей конца XVI в., который позволил М.М. Бенцианову дать новую оценку давно введенным в научный оборот памятникам и вместе с тем — взвешенную характеристику смоленского служилого города конца XVI — начала XVII в. Тщательно проведенный обзор источников по истории смоленской корпорации показывает их познавательные возможности, являясь одновременно наиболее полной базой сведений по истории смоленского города первого столетия московской власти. Надо сказать, что М.М. Бенцианов в статье выходит за рамки чисто «смоленской» проблематики, высказывая общий взгляд на историю поместья в Московском государстве на раннем этапе существования этого института. Происхождение первых смоленских помещиков из «годовщиков» заслуживает также серьезного внимания.

А.Н. Лобин для раскрытия, казалось бы, периферийной темы в истории «смоленщин» начала XVI в. — роли кн. М. Глинского в склонении Смоленска к капитуляции в 1514 г., — использует крайне интересные и важные данные о миссии Христофора Шляйница, саксонского авантюриста, сыгравшего важную роль в тайной дипломатии начала XVI в. А.Н. Лобин обращает внимание на возникновение дискурса о «рутенской измене» после падения Смоленска в 1514 г. и связывает это возникновение с деятельностью кн. М. Глинского. Для анализа собственно роли кн. М. Глинского в склонении Смоленска на сторону Василия III А.Н. Лобин приводит известия орденового происхождения. Ему удалось установить, что роль кн. Глинского в истории «смоленского взятия» в литовских источниках сильно преувеличена; захват Смоленска москвитами был обеспечен, прежде всего, военным натиском, применением артиллерии. При этом контакты кн. М. Глинского с Тевтонским орденом привели к установлению союзнических отношений между Москвой и орденовыми властями, следовательно, роль кн. М. Глинского в войне 1512–1522 гг. не может быть преуменьшена.

В.С. Курмановский сегодня, видимо, лучший знаток исторической географии Смоленщины XV–XVII вв. Кажущийся локальным вопрос о местоположении волости Вержавляне Уставной грамоты Ростислава Мстиславича выводит читателя на более важную проблематику возможности использования археологических данных XII–XIV вв. в локализации реалий письменных источников XVI–XVII вв. и в целом ставит вопрос о соотносимости (на смоленском материале) понятия «погост» X–XII вв. и «погост» XVI–XVIII вв. (в сравнении с тем, как это было ранее проанализировано в историографии на новгородском и белозерском материале). В результате В.С. Курмановский ретроспективно реконструирует организовывавшую как древнерусское пространство Смоленщины, так и пространство раннего Нового времени систему погостов-округов. Остается лишь пожалеть, что статья сопровождается лишь одной, итоговой картой.

В статье А.М. Молочникова высказывается тезис о том, что в течение осады Смоленска 1609–1611 гг. ведущая роль в обороне принадлежала не служилым людям, но тяглым посадским людям, самоорганизовавшимся для отпора войску Сигизмунда III. Несколько преувеличенное внимание А.М. Молочникова уделяется т.н.

«городскому совету», который, по мысли ученого, принимал наиболее ответственные решения в годы Смуты. Как считает А. М. Молочников, данный совет должен был включать представителей посадских слов города. Полагаю, А. М. Молочникову следовало бы шире привлекать сравнительный материал по истории управления в других городах Московского царства в годы Смуты: достаточно хорошо сегодня изучена роль посадской общины в Пскове в этот период, в литературе есть наблюдения и по истории посадской организации Новгорода 1611–1617 гг. Впрочем, высказывания А. М. Молочникова о военной организации смоленских посадских людей в годы осады стоит признать ценными и оригинальными.

Обстоятельная статья Н. В. Смирнова о боевых действиях под Смоленском в 1613–1617 гг. — первое исследование, специально посвященного этому эпизоду военного противостояния Московской Смуты. Рассматривая силы Речи Посполитой, противостоявшие в 1612 г. нижегородско-ярославскому ополчению, Н. В. Смирнов показывает, что это были отдельные военные соединения, часто лишь номинально подчиненные общему руководству. Указывает Н. В. Смирнов и на такое явление в польско-литовском войске как конфедерации, одна из которых в 1613 г. сильно ослабила силы, размещенные в Смоленске. Важен и обзор русского войска к лету 1613 г.: набравшие боевого опыта в Смуту, но разоренные помещики, вновь собранные стрелецкие приказы, принятые на государеву службу казацьи станицы. Не менее ценно и общее описание войск Речи Посполитой в смоленском противостоянии 1613–1617 гг. Статье Н. В. Смирнова присущ комплексный взгляд на события этого периода Смуты; осаду Смоленска кн. Д. М. Черкасским он сопоставляет с синхронным походом кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород.

В биографическом очерке Д. М. Володихина делается попытка оценить роль трагической фигуры боярина М. Б. Шеина в злосчастной Смоленской войне. По мысли автора, статья эта — ответ И. Л. Андрееву, в 1997 г. опубликовавшему в журнале «Родина» текст, в котором опалу и казнь Шеина он объяснял участием боярина в придворных интригах, а не военным поражением. Историк подробно рассматривает оценки личности боярина М. Б. Шеина, высказанные в историографии XIX–XX вв. Признаться, до конца непонятно, какую цель

может преследовать историк сегодня, пытаюсь оценить, был ли боярин «заносчивым», «малоспособным к военным действиям» или нет и т.п. Однако в статье Д.М. Володихина делается попытка именно такого анализа. В то же время в статье приводится новый важный материал — перевод реляции Хендрика Садтлера из русского военного лагеря под Смоленском.

Статья Д.Н. Меньшикова с интригующим заглавием «По ту сторону стены» посвящена оценке качества информации об осажденном в 1632 г. городе, которая поступала во враждующие лагеря М.Б. Шеина и К. Радзивилла. Вопросы, поднятые в статье, выходят далеко за рамки решения этой конкретной проблемы. Они выводят нас на более широкую проблематику качества информации, на основании которой принимались решения в войнах раннего Нового времени, способности военачальников этой эпохи оперативно реагировать на известия и критично/некритично к ним относиться. Борьба за информацию, стремление пронести известие сквозь осаду и, наоборот, стремление перехватить корреспонденцию, допросы лазутчиков и перебежчиков — все эти способы получить наиболее свежую информацию практиковались и в годы Смуты. Прагматика сообщений (описание боев и потерь, жалобы на отсутствие провианта, войск и боеприпасов) теоретически должны были «выступать триггером» (выражение Д.Н. Меньшикова) для практических действий тех, кто этой информацией овладевал. Но для принятия решений важным была и мера критичности получателя информации: в условиях тотального дефицита ресурсов прямая реакция на описание бедствий была чревата поражением. Важны источниковедческие оценки Д.Н. Меньшиковым материалов допросов пленных и перебежчиков. Интересен и сравнительный анализ той картины, которая складывалась в русском и польско-литовском лагерях применительно к осажденному Смоленску.

Две статьи в сборнике принадлежат перу известного военного историка О.А. Курбатова. В первой ученый обращает внимание на то, что со взятием Смоленска в 1654 г. внимание центральной власти к этой крепости, к ее удержанию не прекратилось. С 1654 и вплоть до 1680 г. Смоленск так или иначе являлся важным военным центром, местом сосредоточения серьезных контингентов, в одни периоды нацеленных на продвижение вглубь Речи Посполитой, в другие — на отражение

враждебных Москве сил. Инженерные работы, контроль над населением вновь завоеванного города, содержание войск — все эти задачи решались московскими воеводами в течение всей войны с Речью Посполитой. Существенной мерой был вывод практически всего бывшего смоленского гарнизона в Холмогоры и на Закамскую черту. К 1664 г., на десятый год московской власти, как пишет О. А. Курбатов, на одного смолянина приходилось 6–7 московских ратников. Впрочем, летом 1664 г. смоленским жителям разрешили вернуться. Из военных сил, сконцентрированных в Смоленске, сформировался Смоленский разряд, сыгравший свою роль позднее, в годы Великой Северной войны.

Вторая (закрывающая сборник) статья О. А. Курбатова написана на смежную тему и хотя основана, казалось бы, на небольшом эпизоде из жизни смоленского гарнизона (ссоре двух военачальников, — кн. Ю. Н. Барятинского и генерал-поручика В. Дромонта), однако же, как показывает историк, отражает одну из важных реформ русской армии середины XVII в. Речь идет о возникновении в русской армии подразделений больших, чем полк: подчинении генералам нескольких солдатских полков и формированию т. н. «генеральских полков», отдельных соединений, во главе которых как раз в середине XVII в. появились иноземцы. Может ли такой генерал из иноземцев не подчиняться русскому воеводе, как это было принято в предшествующее время — в этом был корень конфликта, которому посвящена статья. В приложении публикуются и документы, с этим конфликтом связанные.

Можно сказать, что сборник о Смоленских войнах XV–XVII вв. стал ярким, выполненным на современном уровне компендиумом, позволяющим, по полному прочтению текстов, составить представление о борьбе за Смоленск в раннее Новое время. Более того, в некоторых вошедших в сборник текстах поставлена внятная перспектива изучения военно-политической истории Смоленска с продлением ее в петровское и даже более позднее время. Будем надеяться, что и такие тексты вскоре появятся.